

ЕЁ СУДЬБА

В Московском государственном институте театрального искусства идут экзамены. Тишина большого зрительного зала... Седоволосые профессор Горчаков, Макульский; маститые, известные всему миру артисты и режиссеры Тарханов, Завадский. Еланская... И освещенная лучами прожектора маленькая девочка фигурка посреди пустой сцены.

—Мы слушаем Вас, начинайте. Героические стихи Таира Жарокова Салима Естемесова читала на казахском языке. Ее движения, мимика, голос были полны неизъяснимой грация. Искренность, простота, эмоциональность, восточный темперамент — все была в этой хрупкой девушке с лучистыми, чуть раскосыми черными глазами и двумя тонкими до пояса косицами.

Хотелось немедленно, еще раз проверить это первое впечатление.

—Представьте себе, — сказали Салиме, — что вы в лесу. Внезапно начинается дождь. Вы промокли, дрожите от холода. Решаете собрать хворост, разжечь костер. А ну-ка, покажите нам это.

Ничего не изменялось на сцене. Но сидящим в зрительном зале показалось, что откуда-то издалека набегала тучка, застучали по веткам деревьев капли. Они заструились по черным волосам и коричневому платью девушки. Потом, видимо, прояснилось. Минута—другая, и

проворно заработали руки, подбирая что-то с земли. Чиркнула спичка. Салима стала греться у воображаемого костра.

Члены жюри молчали. Их мнение юная казашка узнала только на другой день, найдя свое имя в спис-

ках тех, кто прошел по первому туру. А когда были сданы все экзамены, ее вызвал к себе народный артист Советского Союза Юрий Александрович Завадский, спросил: —А может быть, все-таки поедете в Ташкент, на актерский факультет?

Салима упрямо покачала головой. —Или режиссерский, или никакой.

—Но почему? Что вас привлекает в работе режиссера?

—Послушайте,—тихо ответила Салима, — я расскажу вам чудес-

ную казахскую легенду. Жил в старинку Асан-Кайгы, Асан-горемыка. Скорбя о печальной судьбе родного народа, он решил отыскать такую страну, где земли тучны, а дни беспечальны, где нет ни вражды, ни ненависти. Из конца в конец изъездил он степи, горы и долины. Но тщетно. Так и умер Асан. Он унес с собой в могилу мечту о счастье многострадального народа. Но наступило время, когда воплотились в жизнь вековые чаяния казахов, они обрели свою обетованную землю. — И я хочу,—продолжала Салима,—чтобы звучала со сцены эта радость возрожденного народа, в песне и танце—во всем нашем многожанровом национальном искусстве. Одной мне это не под силу, но я надеюсь, что смогу со временем объединить усилия целого коллектива...

Кто мог возразить против этого? Прославленный режиссер взял ее в свою группу.

Для того, чтобы создавать новое, свое, подлинно творческое в искусстве, надо бесконечно работать и много знать. Огромная трудоспособность и успехи Салимы поражали и радовали всех. Но однокурсники и педагоги стали вскоре замечать, что девушка часто грустит о чем-то своем, неизвестном. Узнали, что она не получает из дома ни весточек, ни посылков.

От того времени сохранился у Салимы пожелтевший листок старого письма. Ей передал его несколько лет назад отец. Вот что писали ему учителя и воспитатели дочери: «Обращаемся к вам, обеспокоенные судьбой Салимы. Она очень скрытна, никогда ни о чем не говорит и не жалуется, но она единственная на нашем курсе, родители которой ни разу к нам не обращались. Поэтому мы решили сами написать вам о ней. Не сомневаемся, что Салима из-

брала верный путь. Казахское искусство только начинает расцветать, и переломные, образованные, вооруженные профессиональными знаниями специалисты представляют большую ценность для искусства. Салима имеет все данные, чтобы стать таким специалистом в области театрального искусства. Она обладает настоящим дарованием и предана своему делу. «Мы уверены, что и вы, ее родители, и земляки будут гордиться ею».

Чтобы стали понятны причины, послужившие поводом для этого письма, вернемся на несколько лет назад, в село Каргалы Джамбулского района Алма-Атинской области, где протекало детство Салимы. По мнению окружающих, она была странной девочкой—не играла в куклы, не радовалась нарядам, Ее любимым развлечением было перебирать тонкими пальчиками струны, натянутые на плохо оструганной доске. Это была ее «домбра». Родители не разделяли увлечения дочери: старые пережитки все еще держали их в своем плену. Они считали, что искусство—привилегия мужчин и не без иронии спрашивали Салиму;

—Уж не собираешься ли ты участвовать в айтысах?

Настоящую добру преподнес девочка сосед Амин. Она так обрадовалась подарку, что сейчас же бросилась в дом и вынесла Амину привезенную отцом из города шубку.—Возьмите, ата. Это все, чем я могу отблагодарить вас: пусть носит ее ваша дочка. А мне ничего не нужно, кроме этой домбры.

Отец наказал Салиму за такое своеволие. Но что поделаешь —не ссориться же из-за глупой девочки с соседом. Домбра осталась у Салимы.

Семья Естемесовых переехала в Алма-Ату, л здесь впервые услышала девушка оперу «Кыз-Жибек». Казахский поэтический эпос покорила ее. С первых же тактов народной музыки, с первых движений актеров с благодарностью и восторгом раскрылись ее глаза. Детские, еще неясные ей самой мечты, обрели теперь вполне конкретную форму. Салима решила связать свою жизнь с театром. Пятнадцати лет она поступила в Алма-Атинское театральное училище. Упорно занималась, стараясь одинаково хорошо научиться играть, танцевать и петь. Это, безусловно, пригодится ей в дальнейшей работе, ибо спектакль—результат труда людей самых различных специальностей театрального искусства.

Закончившую с отличием училище Салиму Естемесову направили на работу в Кызыл-Ординский драматический театр. Она играла эпизодические роли в посредственных спектаклях, а мечтала о «Ромео и Джульетте», «Маскараде», «Талантах и поклонниках», о пьесах Сабита Муканова, Мухтара Ауэзова, Габиден Мустафина, которые она, будущий режиссер, покажет многочисленным зрителям. Салима была так уверена в этом, что ничуть не удивилась телеграмме, которая пришла на ее имя из управления по делам искусств при Совете Министров Казахской ССР. Оказывается, талант Салимы был замечен, и ей предложили немедленно выехать в Москву, на экзамены в государственный институт театрального искусства.

Вот каким путем пришла в искусство эта девушка-казашка, сумевшая преодолеть все трудности на своем пути, и самые главные из них—косность и предрассудки. Расцветшее искусство Казахстана смело разрушило старые, отжившие представления о судьбе казахской девушки. Правы были учителя и старшие товарищи: земляки Салимы стали гордиться ею, примирились с дочерью и Рахмет Естемесов. И уже не мечтой, а реальностью стали самые смелые планы Салимы. Молодой режиссер поставила в Алма-Атинском Академическом театре драмы переведенную с узбекского пьесу Каххара «Шелковое сюзане», «Мою любовь» Иманжолова и многие другие.

Опыт, приобретенный под руководством старейших режиссеров театра, позволил Салиме Рахметовне Естемесовой приступить в Караганде к самостоятельной работе над таким серьезным историческим полотно, каким является драма Сабита Муканова «Чокан Валиханов», воссоздающая жизнь и деятельность первого казахского ученого и путешественника, просветителя и демократа.

Большие творческие замыслы у Салимы сейчас. После «Коварства и любви» Шиллера, «Ревизора» Гоголя и «Одно дерево—не лес» Тажибаева она готовится показать карагандинскому зрителю пьесу Габбата Мусрепова «Ахан-серэ и Актоткы» («Трагедия поэта») — об известном народном поэте, акыне и мыслителе XIX века Ахане Карамсине.

Бывают у человека моменты счастливого подъема душевных сил, когда с наибольшей ясностью, открывается перед ним жизнь. Это состояние переживает сейчас Салима Рахметовна Естемесова — простая дочь казахского народа, которой трудящиеся Караганды оказали большое доверие, назвав ее имя в числе кандидатов в депутаты областного Совета.

И. ЛЯХОВСКАЯ.